

*Мой второй
Моя вторая*

Лена Коро

Лена Коро

Мой второй. Моя вторая

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57401261
Мой второй. Моя вторая: Реноме; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-00125-265-8

Аннотация

Еще одна книга, выпущенная автором в таком формате. Традиционный роман «Мой второй» написан от женского имени. «Моя вторая» – мысли о возможности жить в любовном треугольнике – от лица мужчины. Обе части книги вроде бы не связаны между собой, но поступки героев первой части становятся более понятны из повествования второй.

Содержание

Мой второй	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лена Коро

Мой второй. Моя вторая

© Лена Коро, текст, 2020

© обложка Weheartit.com, 2020

Мой второй

Что же это такое, голова трещит, как никогда. Эта темень на улице, хотя уже десять утра. И кто придумал строить на краю земли города, населять их, когда жить здесь практически невозможно?

Вот я – молодая, вроде бы здоровая баба, еще и сорока нет, а голова раскалывается. На дворе слякоть, снег валит и тает. Декабрь называется.

И эта лиса хитрая не хочет платить больше. Говорит, что нас никто не держит. Понятно, сами держимся. Что, я хочу на тебя работать? Не хочу. Умная, красивая, с образованием. А ты какие университеты заканчивал, начальник? Сколотил, небось, капитал рэкетом – теперь малым предпринимателем зовешься. Начинал с киоска, а сегодня три пекарни, сто человек на тебя горбятся. Но кто меня на приличное место возьмет без богатых родственников и связей?

Вот и мешу тесто с утра до вечера, ноги к ночи гудят, слезы от обиды душат... Да была бы возможность, разве я работала в этой жарнице...

Стоп, Ира, ну, чего волну гонишь? Небось, лицо переко-

сило уже от злости. Успокойся, кривые никому не нужны... Ладно, все, проехали, буду пушистой... Слава Богу, сегодня не надо на смену выходить.

Голова раскалывается...

Эти квитанции, ничего не пойму – опять тарифы подняли. Обещали же не поднимать. Ну, где столько денег взять, как ребенка вырастить?

Чашка кофе уже остыла, а я никак не могу сложить эти цифры. Мне кажется, что в прошлом месяце они были трехзначные, а теперь – аж в глазах рябит: четырехзначные. Их длина забывает смысл расчетов.

Ира, да стоп же, чокнутая. Отложи квитанции в сторону. Черт с ними, здоровье дороже. Да, отложи... А что вот в этой строке написано? Горячее водоснабжение – сколько?... Да я же счетчики поставила три месяца назад. Что они с ума походили, опять начисляют с человека? Надо в понедельник звонить в жилищную контору, разбираться.

Противно как. Мало того, что вечно занято, так еще могут облаять. Ты ведь для них не человек, а так – квартиросъемщик. Этакое оно, от которого только и надо, чтобы раскошеливался. А правильно начислили, не правильно – это,

как бы, их не касается.

Девочка, Ирочка, ты себя любишь? Все, надо отложить эти чертовы квитанции и выпить цитрамон...

...Начисляет одна, по телефону отвечает – другая. Как у Райкина про костюм: претензии к пуговицам есть? Такое впечатление, что служба заказчика только для того и создана, чтобы сидящие на телефоне девицы зарплату получали.

И, как правило, говорят все они такими безразличными голосами. Ты бесишься, слюной брызжешь, а они: не хотите платить, не платите, только за долги теперь выселяют.

Все. Точка. Пошли они к черту. Голова... А я бы и не платила им вовсе – что это за услуга такая, когда вечно горячей воды нет? Пардон, вода есть, только горячей ее назвать язык не поворачивается.

Вот сегодня, например. Сколько я пропускала воду, чтобы хоть на минуту в душ прыгнуть? А у меня счетчик теперь.

Вода в течение получаса текла чуть теплая и цвета вчерашнего чая. Плюнула, переключилась на бак. Да, самая необходимая вещь теперь в нашем доме.

Остановись, сосредоточься на теплом душе. Хорошо же было, и голова не болела... Какое блаженство...

Я тут пальтишко себе такое симпатичное присмотрела. Три раза ходила в магазин, мерила. Уж продавщицы на меня внимание обращать перестали. Подадут пальто и отходят. Им за меня стыдно. Никак не решусь купить, хотя сидит пальто на мне великолепно. И цвет мой – нежно лиловый. Не хожу теперь, не меряю – бак купила, нет больше заначки.

А о приятном, Ирка? О чем-то приятном подумай...

Бак большой, белый, приветливо мигает огоньком – мол, пользуйся, вода чистая и нагрета до шестидесяти градусов. И чего я сегодня тридцать минут заигрывала с коммунальщиками, воду ждала горячую?

Вот повернула краник на трубе, и все сто литров мои – успела побрить ноги, почистить зубы и блаженно постоять минут пять под горячей струей.

Вот, хорошо, черт с ними со всеми, себя любить надо...

Опять лила воду на затылок. Очень помогает, когда голова раскалывается. Я обычно прикручиваю кран так, чтобы из душа падала одна широкая струя. И подставляю шею, то

место, где начинаются волосы. Вода попадает в ложбинку, обволакивает теплом, стекает на спину и грудь мягким потоком.

Я стояла и блаженствовала – боль практически ушла, и мне уже казалось, что вместе с запахом душ-геля по телу растекается приятная радость выходного дня.

Замечательно. Значит, в жизни не все потеряно... Но сто литров кончились, пришлось выключить кран и вытираться. Я еще не успела намазать тело молочком, как виски снова заломило. А когда замотала волосы полотенцем, боль переместилась в темечко и сидит там до сих пор.

– Ирина, ты дома?

Хлопает входная дверь.

– Да, мама, дома я. Ты куда спозаранку ходила?

– На рынок. Пенсию же вчера получила, сёмушки купила, к Новому году.

Мать, не снимая пальто, начинает выкладывать на кухонный стол продукты. А мне, хоть и трудно соображать, но понимаю – треть пенсии точно потратила.

Ругать ее бесполезно, живет по старинке. Стол на праздники собирает, как в прежние советские времена. А гости

придут – сожрут все за один присест.

Ирочка, понятно, сегодня не твой день, но надо отвлечься...

Мне не то, что жаль еды для ее подружек – но так хочется, чтобы она нам хоть раз с пенсии просто денег дала. Она же продолжает готовить мне как школьнице обеды да ужины, на работу бутерброды мажет. Рано-рано так встанет и начинает нам бадейки собирать. Мне и Манечке.

Вот, мать тебя любит...

Умом-то понимаю, что это здорово, как она в свои семьдесят пять о нас заботится, но только копошится она всегда как-то громко, а так спать хочется за полчаса до будильника.

– Ты сегодня что делать будешь, может Манечку в музей сводишь?

– Голова болит, смерть как. Давай, вы с ней в кукольный ходите? Давно просится. Твоя подружка звонила – как раз сегодня на дверях стоит.

Мать захлопотала, заохала. Обрадовалась, что я ей дочку уступаю на выходные.

– Только в буфете не покупай ничего – грязно там как-то.

Соку с собой возьмите и ладно.

– Так я Маню из школы встречу, покормлю и пойдем.

Я кивнула, взяла со стола квитанции и пошла в спальню. Полежу еще немного, может, телек посмотрю. Голова болит, ничего не хочется. Займусь аутотренингом...

– Ирина, телефон звонит, – кричит из кухни мать.

Ну и взяла бы трубку сама. Господи, кто еще спозаранку?

– Да, алле, слушаю.

– Привет, дорогая, – это моя подруга звонит.

Давняя, из той, старой спокойной жизни. Мы с ней в школе учились, в институте вместе, на заводе работали мастерами. Только вот она успела до перестройки «ноги сделать», а я как раз забеременела, пришлось тихо сидеть, чтобы хоть декретные получить.

Просидела, а потом завод приватизировали, и новое руководство объявило о повальном сокращении. Мне на склад готовой продукции предлагали пойти кладовщиком – я, конечно, оскорбилась. У меня образование высшее, опыт работы. Но больше ничего не предложили.

А тут этот с пекарней подвернулся. Я торты огого как пе-

ку. Взял. Поначалу казалось, здорово: тепло, при хлебе, зарплата хоть и копейки, но всегда вовремя. Перестройку и дефолт хорошо пережила. Только чувствую, опять что-то пропустила.

Вот Ларка и с завода смылась вовремя, и офис купила по дешевке – теперь риэлтерская контора у нее. Прибыльное, говорят, дело.

– Да, Лар, я не забыла. Только голова раскалывается.

– Так пойдём или нет?

– Пойдем. Давай до обеденного перерыва, чтобы людей поменьше было. В двенадцать, на углу у бассейна.

Это у нас в традицию уже превратилось. По субботам ходим мы с Ларкой в секонд-хэнд.

* * *

Ступеньки в подвал бассейна скользкие, но мы торопимся укрыться от ветра и почти скатываемся в магазин, дверь сильно хлопает. Девушка на кассе ворчит: можно потише? Но потом узнает нас и здоровается.

Мне нравится здесь. С порога чувствую знакомый запах. Говорят, так пахнет дезинфицирующий раствор, которым

обрабатывают вещи перед отправкой из Америки в Россию. Помню, так же пахло и от немецкой гуманитарки, которая шла к нам в начале девяностых. Но мне все равно кажется, что это запах хорошего западного стирального порошка. Этот запах – как послание из другого мира.

Зайдешь в иные наши бутики, в нос ударяет амбре немытого тела продавщицы. А тут вещи вроде ношенные, а как хорошо пахнет. Заграницей, хорошей чистой жизнью.

Сначала идем в отдел свитеров. Каждый день их «коллекция» подновляется. Где-то в подсобных комнатах вскрываются огромные мешки, откуда извлекаются вперемешку пальто и обувь, футболки и джинсы. Все это сортируется, самое ценное, на взгляд хозяина, остается «для своих», остальное выносится в зал.

Отдел трикотажа самый большой. Если по нему судить, выходит, что американцы чаще всего меняют в одежде именно трикотаж. Мы обычно перво-наперво идем сюда, так как каждый раз кажется, что если не начнешь с этого отдела, самый нужный тебе свитер кто-то прямо из-под носа уведет. А другого такого же уже никогда не будет.

И в этом тоже прелесть секонд-хэндов, ведь ты покупаешь в принципе эксклюзивную вещь. Не надо потом оглядывать-

ся в театре или на прогулке – точно никто не повторит твой наряд.

Отчасти поэтому я и не люблю наши промтоварные магазины. Во всех одно и то же, с одного московского базара. Только цены разные. Да и сколько раз приходилось жалеть, что клюнула на обновку из бутика. Или назавтра пол-автобуса в такой же юбке, или после стирки кофту в приличное место уже не надеть, потому как она стала на четыре размера больше и цвет родной утратила. В общем, не люблю я прилавков и однообразных вешалок.

В магазине «секонд-хэнд» все по-другому. Вдоль стен и посреди залов стоят широкие столы, на которых горами навалена одежда. Только самые стойкие и терпеливые могут отыскать в этих кучах вещи, достойные гардероба настоящей леди. Иногда вообще непонятно, как оказались такие «вкусные» вещицы на грубо сколоченных столах этого подвала.

Ну, например, недели две назад я откопала классный велюровый пиджачок от Liz Claiborne. Дома я его сполоснула, высушила на плечиках, еще влажным почесала щеткой для волос – он стал как новенький. Под пиджак примерила тонкую рубашку от Izod нежно салатного цвета (тоже из этого магазина), а на лацкан приколола тонкую серебряную брошь в виде стрекозы. Получилось просто супер. Ни дать ни взять,

адвокат преуспевающей конторы. Ни в одном из наших престижных бутиков такой блайзер не купить.

И когда я в этом пиджаке заявила в ресторан на день рождение нашего бухгалтера, девчонки с меня глаз не сводили. Фирма есть фирма. Она хоть и приплыла к нам в мешках в грузовом отсеке, но достоинство не потеряла.

– Лар, ты с чего начнешь?

– Мне бы Толику свитер поискать. Он в командировку собирается, в Финляндию. У него будут переговоры в неформальной обстановке.

– В бане что ли?

– Ну, ты комсомольскими представлениями мыслишь. Шеф фирмы, с которой контракт будут заключать, его может в гости позвать. Теперь у них это модно – домой к себе звать. В костюме не пойдешь, надо такой неделовой стиль одежды. Посмотрела, а свитера приличного у него нет. Я уж и в «Штальман» съездила, и в «Босс». Нашла парочку. Но размер не подходит. Все маленькие на моего пупсика.

Она хихикает и идет в конец зала, там на стеллажах накиданы мужские свитера. Я остаюсь почти у входа.

Решаю начать с крайнего у стены стола, где заметила яркую ручной работы кофту. В зал заходят еще две покупатель-

ницы, и я поворачиваюсь к ним спиной. Всем своим видом показываю, что к моему участку подходить не надо.

Я размашисто поднимаю свитера за плечики, на несколько секунд задерживаю внимание, разглядывая фасон и рисунок, и аккуратно бросаю на кучу левее. Понравившиеся вещи откладываю направо, туда, где на ворохе одежды стоит моя сумка.

Примерно минут через двадцать я добираюсь до столешницы, но выбрано только две вещи и то так, с надеждой, что найду лучше. Полкучи слева, т. е. вещи, которые не понравились, я просто сваливаю обратно в образовавшуюся дыру и передвигаюсь на новое место. Обычно, чтобы выловить что-то стоящее, я повторяю эти операции многократно, двигаясь по кругу, пока не устанет спина или руки.

Поменяв дислокацию в третий раз, я вдруг замечаю под грудой трикотажа симпатичную расцветку. Как раз то, что я люблю. Мелкий рисунок, черная, сиреневая и белая нити. Засовываю обе руки в гущу тряпок, крепко цепляю свитер и из всех сил тяну его вбок и вверх. Вот он красавец. И лейб что надо. Alfani.

Мне всегда казалось, что это исключительно мужская фирма. А тут такой нежный окрас и глубокий вырез. Нет, он

определено женский. Кручу, щупаю, выворачиваю наизнанку. Бирки хрустящие, на нижней приколот бумажный конвертик с нитками. Неужели даже не стиранный? Хочется бросить все и бежать в примерочную, скорее померить.

Смотрю на стену прямо перед собой, там висит от руки написанное объявление: все по девяносто рублей. Вот это да!

Как это хозяин пропустил такую прелесть. Чтобы удостовериться в везении, поворачиваюсь к девушке-продавщице, скупающей на стуле у входа в зал:

– На этом столе все вещи по девяносто?

– Да, все по девяносто, – говорит она безразличным тоном.

Мое счастье просто безгранично. Я уже представляю, как завтра на собрание в манькином классе надену этот свитерок. Надеюсь, он высохнет к завтрашнему вечеру. У меня есть темно-фиолетовые вельветки, я практически их не одеваю – трудно подобрать верх. А тут такая удача. И главное, размер мой – восьмерка. Не в силах справиться с желанием поскорее обладать обновкой, беру все отложенные свитера, сумку, куртку и спешу за занавеску.

Надеваю свитер на тонкую футболку, мало ли что – вещи-то здесь не новые. Даже так видно, что сидит он на мне

отлично. Беру. Я еще минут пять кручусь перед зеркалом. Вырез просто замечательный. Сейчас футболка выглядывает, а когда на голое тело надену, да еще лифчик с низким креплением – очень даже соблазнительно будет выглядеть. Не только на собрание можно пойти, но и на вечеринку.

Ну, кто подумает, что я этот свитер купила в секонд-хэнде, а не в модном у нас «Cosmo»? Кстати, я где-то читала, что хозяйка этого магазина для богатых закупает вещи в таких же секонд-хэндах, только в Москве, на Арбате. Все наши бизнес-леди почитают за честь одеваться именно в «Cosmo». А вещи ничуть не шикарнее, чем я выкапываю в этом подвале.

Для «контрольного выстрела» можно сходить в центральную кофейню, там весь городской бомонд после обеда ошивается. И посмотреть, как девицы будут меня разглядывать. Если с повышенным вниманием – значит, вещь что надо. Беру, беру, беру.

Уже с меньшим подъемом померила еще две кофточка. После свитера они мне не понравились. Пойду, поищу чего-нибудь. Я рассчитывала потратить сегодня рублей триста. Поэтому можно еще покопаться.

Ларка уже перешла в другой отдел. Я же еще перебираю

три стопы, но больше ничего мне не нравится. К тому же в магазине становитсялюдно. Следом за мной к столу пристраивается молодая хорошо одетая девушка в платочке. Какой качественный платок, и главное – он очень подходит по цвету к выбранному только что мною свитеру.

Где же я видела эту расцветку? Ах, да – в прошлый раз прямо при нас открыли мешок с аксессуарами. Помню, я тогда очень переживала, что не успею схватить вытащенную из недр мешка темно-бордовую сумку. А этот (точно этот – в обычных магазинах такого не найдешь) платочек запутался с поясными ремнями и какой-то серой шалью. И пока продавщицы распутывали комок, я ухитрилась протянуть руку и крепко ухватить сумку за ручку. Мое.

Так мы и стояли, человек десять, в ожидании, когда мешок будет опустошен. Я оглядела женщин вокруг. Если бы не сама была одной из них, посмеялась бы точно. Такие напряженные, сосредоточенные лица. Ни дать, ни взять на стартовой дорожке олимпийского стадиона.

Точно знаю, каждая в такую минуту как львица готовится к прыжку. Уже зацепила взглядом какую-то вещь и стоит, собирает силы на борьбу за нее. Если бы в такую минуту у кого-то зазвонил телефон – точно ни одна бы не сошла с места, не порылась бы в сумочке и уж точно не стала бы разго-

воры разговаривать.

Глаза крыжовины, мышцы в тонусе. Как только последняя вещь оказалась на столе, продавщиц оттеснили, и каждая из теток начала выхватывать из новой кучи товар. Но я оказалась проворнее – мгновенно дернула сумку и отскочила в сторону.

Поэтому платочек от меня и ушел. Я его, конечно, видела, пока выгружали мешок, но потом, счастливая, что успела первой отовариться, забыла про него. Ну, да ладно, чего жалеть, зато у меня есть свитер – это более существенное приобретение.

Я нарочно, когда переходила на новое место, вытащила из сумки чуток обновки. Небрежно так торчит рукав – пусть девица видит и переживает. На сей раз она не успела.

Иду в отдел нижнего белья. Там придется сменить тактику поиска, так как вещи свалены в глубокие корзины, стоящие и на столах, и на полу. Ларка склонилась над большущей емкостью, доверху наполненной бюстгальтерами. Я не люблю здесь покупать нижнее белье. Все-таки трусы или лифчик – это слишком интимное. Хотя мне иногда хочется (особенно после двухнедельной диеты) блеснуть перед Лешкой своей фигурой. И тут западные кружева были бы очень кстати. Но

не могу я надеть на себя ношенный лифчик, хоть тресни. Свитер, штаны могу, а белье – ни за что. Покупаю его в Турции.

Там, конечно, фирменные комплекты очень дорого стоят. Но на один могу разориться. На выход. В баню, например. Чтобы девки видели, что я и «внутри» упакована как надо. А так, на каждый день, ношу те же турецкие бюстики, только по доллару за штуку.

Однажды, правда, я выкопала в «секонде» отличный купальник. Такой в Cosmo стоит больше сотни долларов. А здесь в куче все по тридцать рублей. Купальник из двух частей обошелся мне в шестьдесят. Класс, а не купальник – на черных трусиках имитирован пояс леопардовой раскраски. Такой же и лифчик. Я его выкопала первым и долго искала подходящие плавки. Они оказались совсем в другой корзине – с трусами. Я поняла, что это одно целое, только по лейбу. Sunya. Даже не знаю, дорогая это фирма или не очень, но лейбочки выглядели очень прилично, как и положено уважающей себя марке.

Купальник был практически новый, я его выстирала в машине и собиралась обновить в бассейне, куда мы с подружками периодически ходим. Обычно по воскресеньям на первый сеанс – в это время бывает много состоятельных мужиков.

Почему-то считается, что в семь утра вода чище. Это, конечно, сказки – волосье плавает и в семь. Но достать абонемент на это время достаточно сложно. Однако, чем сложнее, тем престижнее.

Так вот, я взяла в бассейн новый купальник в надежде привлечь к себе внимание настоящих мужчин. Но когда в душевой пришло время его надеть, меня просто вывернуло наизнанку от брезгливости. Стою, значит, голая, душ выключен, и борюсь сама с собой. Уже все женщины в бассейне, а я в лифчике, но с трусами в руках в душевой. Насилу заставила себя облачиться в купальник полностью. Убедила протестующее свое нутро тем, что пойду и приклею на плавки прокладку. До сих пор стыдно вспомнить.

Вернулась в раздевалку, а дежурной нет, шкафчик закрыт. Вечно их нет, когда надо. Представляете, я голая с плавками в руках мотаюсь по подсобкам. Уже высыхать начала, когда бабуля появилась. Пришлось соврать, что резинку для волос не ту взяла. Мол, вода в бассейне хлорная, новую резинку попортит. Бабка начала меня убеждать, что я не права, вода у них по новой технологии очищается, краску не съедает.

Еще комичнее: стою перед женщиной в черном халате и со шваброй и что-то бессвязное лепечу, при этом ее поче-

му-то не смущает, что я в купальнике только наполовину. В конце концов, шкафчик она открыла, я приклеила прокладку и надела плавки. Настроение было испорчено, ни о каком кокетстве в бассейне уже не думалось. Я просто бухнулась в воду прямо у выхода из душевой.

Хотя накануне долго представляла, как буду дефилировать по бортику до дальней лесенки, как буду спускаться в воду. Обязательно лицом к «зрителям», решила я, так как попа у меня выглядит не так эффектно, как грудь и ноги.

Так вот, Ларка зависла над корзиной, а я решила поискать шарфик – вдруг, на девице был другой, совсем не отсюда. Значит, тот, который я видела неделю назад, может еще где-то валяться. Я перекопала два ящика с аксессуарами, но ничего не нашла. Правда, попался очень приличный кожаный ремень чернильного цвета. Пряжка мне на нем не понравилась. А вот на белом такой же ширины была отличная. От Arizona. Пришлось брать оба в надежде, что перекинуть пряжку – дело несложное.

– Лариса, ты идешь? Времени много, скоро спектакль кончится, домой пора.

Ларка разогнулась, одернула дубленку:

– Ну, пошли, раз пора.

Мы подошли к кассе, я заплатила полторы сотни и была счастлива, что удалось сэкономить половину от запланированной траты. Я даже позволила себе купить за три рубля кулек, куда аккуратно сложила свитер и два ремня. Лариска купила только свитер, он был крупной вязки с чисто норвежкой отделкой горловины: национального орнамента тесьма, металлические витые застёжки на небольшом разрезе. Я сказала, что мне свитер нравится. Лариска была довольна.

– Думаю, самое то. Northbrook – не знаешь, это норвежская фирма?

– Судя по названию, похоже. Зайдем в кафешку, по чашке чаю выпьем. Обмоем свитера.

– Ты же торопилась.

– Ну, еще полчаса есть. К тому же я сто пятьдесят рублей сэкономила.

– А я только тридцать. На чашку чая не хватит.

* * *

Мы быстро добежали до кофейни. Голова болеть перестала. Настроение поднялось, дополнительный толчок ему дала и волна кофейного запаха, когда мы с мороза заскочили в помещение. Народу было немного, мы обе выхватили взглядом свободный у стены столик. Рядом стояла пустая вешалка, и я, прежде, чем сделать заказ, начала раздеваться. Лари-

ска стояла рядом и что-то обдумывала.

Потом поставила на стул сумку:

– Ты закажи мне капучино. Я в туалет.

– Дубленку снимии.

– Не, я после.

И она отправилась к двери в глубине зала. Я осталась стоять у стола – не оставишь же ее сумку без присмотра, а с двумя как-то неловко торчать у прилавка. Но Ларка была в туалете недолго. Она вышла, что-то пряча в руках. Подошла к нашему столу и быстро сунула в сумку предмет черного цвета.

– У тебя все в порядке?

– Да все у меня в порядке.

Ларка не смотрела мне в глаза.

– Я потом расскажу. Пойди закажи кофе.

И она уселась за стол.

– С тебя тридцать пять рублей. Рассказывай.

Я удобно устроилась на стуле под вешалкой. Весь зал был как на ладони. Лариска сидела к обществу спиной.

– Чего рассказывать? Они, знаешь, как на нас наживают-

ся? Это только кажется, что все вещи дешево. А так, они же на вес все везут. Ты вот за свитер девяносто заплатила, а он весит полкило... Я знаю, они меньше доллара за кг дают. Да еще оформляют это как гуманитарку – и таможене не платят.

– Ты это к чему?

– А к тому, что ничего с ними не будет, если пару вещей потеряют.

– Кто потеряет?

– Ты что тупой прикидываешься? Не понимаешь что ли?

И тут до меня дошло.

– Ларка, ты сперла из секунда?

– Ну, чего ты сразу так грубо. Сперла. Лифчик мне понравился. Давно похожий хотела. Ты же знаешь, у меня грудь такая, что лучше всего без шва сидят. А где их взять, без шва-то?

– Ну, понятно. Так что, тридцать рублей пожалела?

Подружка не ответила – подошла официантка, принесла кофе. Пока она расставляла чашки, прошла минута, не больше. Но мне показалось, что мы молчим вечность. Ларка, такая успешная и богатенькая, стащила в магазине копеечную шмотку, сидит сейчас, мучается. И зачем она это сделала?

– Ты его зачем сперла?

– Да тише ты. Чего пристала: сперла, сперла. Сама не

знаю. Вот понравился бюстик, я его швырк в рукав. А потом тряслась, как бы не выпал.

Лариска говорит хриплым таким голосом, почти шепотом. И я тоже перехожу на шепот, наклоняюсь через стол. Становится страшно, я с опаской начинаю поглядывать на дверь. Мне кажется, что сейчас войдет продавщица. Вот вы где, скажет, кофий распиваете, а за лифчик не заплатили. И начнет громко так привлекать внимание посетителей. И кто потом будет разбираться, что не я этот поганый бюстик в рукав совала.

Вон и телевидение наше местное напротив кофейни. Я уже вижу, как заскакивают с морозца ребята с камерами, софитами слепят, суют в нос микрофон. А расскажите-ка, пожалуйста, как вы магазин ограбили. Кто из вас план придумал, кто на стреме стоял. И в вечерних новостях покажут.

А я еще не отказалась от мысли карьеру сделать. Только мне бы сначала мужчинку приличного отыскать, жизнь личную устроить. И тогда уж я обязательно найду работу по специальности. Да разве после срама такого кто на меня посмотрит? Лариске хорошо, она замужем, муж за спертый лифчик жену не бросит, тем более, она ему только что свитер купила такой славненький, норвежский.

Хотя, если подумать, и у него могут начаться неприятности. Телевидение – это штука такая, там любят жареными фактами зрителей потчевать. Сюжет, наверняка, Москва заметит и покажет по центральному каналу. А их в Финляндии точно смотрят. Вот и плакали толичкины переговоры.

– Ты чего в точку устави́лась? Осуждаешь?

– Да не осуждаю, я боюсь. Как мы через неделю в магазин пойдем?

– А как ты сегодня пошла?.. Просто не знала и все. А я в прошлый раз кошелек вынесла. Пока все толпились у мешка, ну, помнишь, со всего магазина тетки сбежались. Я и взяла кошелек.

– В рукав тоже запихала?

– Зачем в рукав? В сумку. Она открытая стояла, я и кинула туда кошелек.

Ларка хихикнула.

– А когда расплачиваться за футболки стала, достала его, раскрыла, а он пустой. Я сразу не сообразила даже, что это не мой кошелек. Представляешь, товару набрала, а денег нет. В шоке минуты две была, пока сообразила, как из ситуации выпутаться. Спасибо, кассирша тормозная. Сообразить не успела, пока я кошелек в сумку бросила и начала по карманам деньги сшибать. У меня в той сумке куча карманов. Я насоби́рала рублей тридцать, махнула рукой – мол, не хвата-

ет, снова достала кошелек. На этот раз уже свой. И подала пятисотку. Очень правдоподобно вышло: вроде хотела мелкими, а пришлось крупную менять.

– Ну, ты даешь. Я бы не смогла.

– Ой, белая и пушистая. Неужели никогда не хотелось просто так что-то поиметь?

Я задумалась. Нет, конечно, мысли меня такие посещали. Как-то, помню, когда большой маркет у нас открылся, все купить хотелось. А денег нет. Планы такие в голове строились, как незаметно маленькую пачку дорогого чая вынести. Или баночку кофе. Ну, дальше воображения дело не шло. Не то, чтобы камер наблюдения боялась или чего еще. Нет, просто не могла руку протянуть за банкой, так как точно знала – денег на нее нет и, значит, это чужое.

– Знаешь, я однажды зашла в магазин самообслуживания. Ну, такой маленький на рынке, кошельки у них сложены в углу, продавцам и кассиру не видно. Беру корзинку и уже в отдел зашла, смотрю – кошелек лежит на дне. Приличный кошелек, толстенный. А у меня тогда денег было кот наплакал, только с отпуска. Если честно, была б одна, наверное, хоть посмотрела бы – сколько там денег. А я с Манечкой была. Она маленькая и, конечно, не заметила кошелек, но мне так стыдно от мыслей своих стало. Я кошелек схватила и к девице, на кассу. Смейся, но она так посмотрела на меня,

как будто душой обозвала. А мне все равно легче стало, когда этот кошелек под прилавком исчез. Вот, был случай.

– Ну, то-то же. А я уж подумала, ты меня осуждаешь. Веришь, я ведь только в секунде беру. А по другим магазинам, за продуктами я с Толиком езжу, он платит, я не могу его позорить.

Я утвердительно качала головой, но понять Ларку все-таки до конца не могла. Виски опять заломило, наверное, от того, что я сейчас не все ей сказала.

Где-то в мозжечке хлюпало воспоминание, как я в первый раз ощутила это противное чувство сомнения: взять-не взять. Мне было лет десять, и поехали мы с подружками на трамвае в кино на какой-то взрослый фильм. Матери об этом я не сказала, поэтому денег на проезд и на кино она мне не давала. Так как я дважды в неделю ездила в музыкалку, талоны на транспорт у меня были. Но, в любом случае, истратив два, мне пришлось бы потом или дважды пройти пешком или экономить на чем-то. А еще билет в кино надо было купить.

Зайдя в вагон, я хотела пробить талончик, но Ларка (как сейчас помню, это была она – такая с косичками и в очечках) сунула мне слегка помятый талон.

– Бери, стукни сильнее, никто не увидит, я первый раз всегда очень легко пробиваю.

Как не хотела я брать этот талон. Как будто чувствовала, что мне это с рук не сойдет. Только Ларка пихала и пихала: что у тебя деньги лишние, я тоже такой же бю. И я сдалась.

И как назло, через несколько остановок в вагон зашел контролер. Как я тряслась, подавая этот проклятый талончик! Может, старуха и не заметила бы, что талон пробит дважды, но я так волновалась, что она внимательно мой талон разглядела. Ни у кого так не разглядывала. Всех пропустила. А на моем споткнулась вроде. И как заорет: как фамилия, в какой школе учишься?

А тут остановка, я с подножки соскочила и бежать. Мне уж потом девчонки рассказали, что моя самая близкая подруга меня и заложила. Родителей к директору вызывали, и отец очень волновался, и разговаривал со мной после визита в школу очень низким тихим голосом. А потом, когда он уже умер, мать меня попрекала: это ты отца в гроб согнала. Как будто этот случай мог способствовать его инфаркту через три года. А может, и мог, ведь я-то до сих пор этот случай не забыла. Интересно, Лариска помнит?

– Слушай, а ты помнишь, как меня с твоим талончиком заловили?

Лариска засмеялась:

– А как же. Ты тогда как заяц по рельсам скакала. И тетка мне руку больно так вывернула. Ты не обижайся, но ведь мы все практически с такими талонами были, а поймали только тебя. И вообще, кто старое помянет...

Она встала, вытерла салфеткой губы:

– Краситься не будем. И так красивые.

И стала одеваться. Я тоже поднялась. Радость от покупки свитера как-то сжалась, хотя внутри меня подталкивало знакомое чувство – скорее выстирать и примерить, как положено.

* * *

Мать была дома, и, когда я открыла дверь, загремела кастрюлями. Я поняла, что был Лешка, и они поругались.

– Ну, что случилось? Где Маня?

– Как всегда, ничего особенного, – язвительно сказала мать. – Пришел, увидел, победил.

– А яснее?

– Чего уж тут яснее? Мы пришли из театра, такие довольные, еще в маркет зашли, я Манечке пироженку купила. Чтоб пока обед готовлю, есть не хотелось. А он уже на диване лежит, рыбой весь дом провонял.

– Так он, может, хотел обед сварить. Пришел, никого нет, на плите пусто...

Мать не дослушала.

– Кто его просит обед варить? Взял мою новую сковороду, и рыбу на ней жарить.

На слове «рыба» мать сделала ударение, чтобы мне ясно было, что сковороду испортили.

– Господи, да куплю я тебе еще одну.

– Миллионерша что ли, каждый месяц сковороды покупать?

Мать забухтела что-то невнятное и отвернулась к мойке.

– Так Маня где?

– Увел он Маню. В ресторан.

– Зачем, она же рыбу любит? Пообедали бы дома.

Мать не ответила.

– Так, что случилось?

– Ничего не случилось. Повел Маню в ресторан. Они у нас богатые, извозчиками работают, им это дело привычное – по

ресторациям шастать.

Я взяла телефон.

– Леш, это я. Маня с тобой? Что делаете? Суп едите? А чего дома не поели?

И тут мне стало стыдно. Трубку взяла дочь.

– Бабушка обед в мусор выкинула и начала на папу кричать. Ты, мамочка, не беспокойся, мы уже поели. Если хочешь, приходи к нам.

– Не, доча, пообедаете и домой.

– Папа не пойдет. Он обиделся.

– Может, отойдет, ты его приводи.

Я нажала «отбой».

– Мам, ты совсем рехнулась? Зачем продукты в мусор выкидываешь?

Мать стояла спиной, но по тому, как затряслись ее плечи, я поняла – сейчас начнется истерика.

– Он меня из дома выжива-а-а-ет, – затянула мать и потянула к глазам подол передника.

– Да кто тебя выживает? Пришел муж, решил обед приготовить, тебя же не было...

– Какой он тебе муж? – Мать резко повернулась, голос стал жестким. – Он трем бабам муж.

– Ну, не трем, а двум...

– Господи, как будто не я тебя воспитывала. Никакой гордости в тебе нет. Твой Леха и с первой не развелся, и на тебе жениться никогда не хотел. А теперь у него, наверняка, третья баба есть. Неделями не ночует.

Тут обозлилась и я.

– Это он из-за тебя не ночует. Кому охота твои претензии целыми днями выслушивать? С первой он не живет десять лет, ты это прекрасно знаешь, она сама тебе жаловалась, что только деньги на дочку дает и все. Не знаю, чего ты хочешь? Я переехала к тебе, ты же сама просила. Мы квартиру отремонтировали, тебе новую кровать купили...

– Переехали не потому, что я звала, а вы комнату свою продали, чтоб машину купить. Жадные, все денег не хватает.

Я сбавила натиск – тут мать права, денег мне действительно постоянно не хватает.

– Но ты же знаешь, мы не пьем, не курим, я в секунде одеваюсь...

Вдруг слезы подступили к горлу. Мне стало себя жалко. Это несправедливо. Собственная мать не понимает, как мне тяжело постоянно держаться на плаву. Манечка в элитной школе учится – столько денег уходит. И на одежду приличную, и на всякие поборы. То придумают на каникулы детей

в Питер везти, то новую спортивную форму надо, то книги заставляют читать, каких в наших нищих библиотеках нет. И покупаю. Каждая стоит в три раза больше, чем мой свитер.

Это мне еще повезло родить от порядочного мужика. Он и первой семье своей помогает, и мне хоть немного, но дает. И Маню одевает, и на отпуск ссужает денег. А то, что не живет постоянно с нами, так мать виновата.

У него ночные смены, он таксистом работает. Ему обедать в три ночи положено. А мать ругалась, что он ее будит, посудой на кухне гремит. Вот он и перестал ездить сначала по ночам, а потом и по три дня может не показаться. А чего ему, собственно, здесь делать? Когда прижмет, мы с ним на квартире его друга холостого встречаемся. Там он, говорит, и ночует.

* * *

Сегодня я на работе ни свет ни заря. Пятница, у нас много заказов на торты. Я люблю печь свадебные. Собственно я только их и пеку в последнее время. Для других заказов взяли недавно новую работницу, она по будням пирожные печет, мне помогает, а в пятницу – заказные торты. Но она придет позже, вместе со всеми, к восьми.

Мне нравится работать, когда никого нет. В такие часы я хозяйка. Сразу от входа, еще в одежде, включаю духовки, затем иду в раздевалку. Сегодня хозяина не будет, можно не слишком соблюдать инструкцию. Ну, халат я так и так надену. Это рабочая одежда. А вот косынку на голову можно повязать, как удобно. Обычно заставляют или колпаки дурацкие напяливать, или завязывать косынку на лбу, как у Стряпухи. У меня виски сразу ломить начинает, если сильно сжать голову. Поэтому сегодня я косыночку надену свободненько. И останусь в чулках, тогда носки можно не надевать, ногам легче будет.

На доске объявлений болтается большой листок, исписанный аккуратным почерком нашей секретарши. Этот индент для меня, это заказы на сегодня. Так, посмотрим, что там? Пять тортов, один на пятнадцать килограммов. Господи, во сколько надо сдать их?

Самый большой в восемнадцать часов, это хорошо. Еще два двухъярусных – также, а небольшие по четыре килограмма к часу дня. Они что, прямо в загсе решили торты есть? Ну да ладно, успею.

Я по-хозяйски иду в кладовку. Там для меня на стеллажах и в холодильнике должны быть оставлены все необходимые продукты. Я несколько раз курсирую туда-обратно из кла-

довки в цех, выношу яйца, муку, сахар, молоко. Затем несую банки с компотами – позже я возьму из них фрукты. Сами компоты мы выпьем в обед. Потом иду за корзиной с пакетами и пакетиками, в которых наполнители и украшения.

Вообще-то я обычно леплю фигурки на торты сама. Но, бывает, заказчики просят поставить фабричных жениха и невесту, а то и сами принесут лебедей и ангелочков.

Надо посмотреть в заказе, как будет украшаться верх большого торта... Замечательно, фигурки леплю сама. Значит, мне должны оставить миндаль. Вот он.

Начинаю в таком случае с марципана, так как он должен вылежаться в холодильнике. По идее, нужны сутки, но у меня будет в два раза меньше времени. Это ничего, марципан и так будет нормальным. К тому же, скорее всего, фигурки все равно никто есть не будет. Сохранят на память. Поэтому не важно – сутки марципановая масса выстаивалась на холоде или меньше.

Беру пакет орехов, открываю, обязательно одну в рот. На счастье. Люблю миндаль. И раннее утро в цехе, когда никто не контролирует каждый шаг. Еще ликерчик где-то должен быть. Марципан без ликера не марципан. Наливаю немножко в пластиковый стаканчик, который по пути к разделочно-

му столу беру с кулера. Нормально день начинается.

Включаю радио, размалываю миндаль и начинаю вымешивать его с сахарной пудрой. Если кому-то кажется, что это работа нудная, то совсем не так. Мне нравится месить в такт музыки. Я даже могу пританцовывать, если мелодия располагает к активным движениям. Думаю, может от того и тесто для пирогов у меня всегда получается вкусным, пышным, что я его после электромешалки всегда руками домешиваю, и обязательно под музыку. Ну вот, марципан сделан, отправляю его в холодильник.

Теперь займусь бисквитом, потом приготовлю суфле. Я не очень жалею ярусные торты из суфле, хотя готовить их проще. Но людям нравится некая воздушность сооружения. И они заказывают. Вот сегодня два таких. «Нежность» называются. Нижний ярус у них из суфле, верхний, на котором стоят фигурки, – из взбитых сливок с бисквитом. Простенький в изготовлении тортик, но стоит полторы тысячи. Я получу из этих денег триста. Неплохо.

А за большой заплатят полторы штуки. Этот торт стоит по четыреста рублей за килограмм, т. е., если помножить на пятнадцать, выходит шесть тысяч. Дороговато, но я же душу вкладываю. Я так тщательно за полторы-то штуки взобью белки, вымешу тесто, с такой любовью украшу – это же про-

изведение искусства будет внутри и снаружи. Ясно, что простые тортики по семьсот рублей за экземпляр уже не такие вкусные получаются. Я их, конечно, тоже украшу нормально, но фигурки будут фабричные, да и другие украшения тоже. Цена определяет вкус. И это, на мой взгляд, правильно.

Я как-то по молодости колечко себе золотое покупала. Пришла в магазин и удивилась, что золото одной пробы на разных изделиях стоило за грамм по-разному. Время было советское, конкуренции не было, все изделия одной фабрики. Я тогда спросила, почему цена разная? Ответ поразил простотой – чем сложнее изделие в изготовлении, тем дороже его золотой грамм.

Так и у нас. Чем дороже торт, тем он вкуснее. Закономерно: кто платит, тот и удовольствие получает. И мне от этого удовольствия тоже перепадает. Вот я сегодня заработаю две с половиной тысячи – молодец, столько за день у нас никто не зарабатывает.

Ну, где мои замоченные в дизайстре яйца? Выбираю самые крупные – на большой торт. Взбивать буду на каждый корж отдельно. Платят же! Желтки должны превратиться в белую пену. Фокус состоит в том, что вместе с сахаром я добавляю немного теплой воды и тогда все получается быстрее. Я пальцем со стенки миски пробую гоголь-моголь. Вкусно.

Прямо готовый десерт.

Помню, в детстве, когда мы гостили на даче у бабушки, она часто предлагала нам на полдник самостоятельно сделать десерт. Так вот, моя двоюродная сестра, в семье которой бабушка жила зимой, всегда пользовалась правом выбора. Она забирала белки и взбивала себе, как она говорила, мусс. А мне доставались желтки. Их взбить было труднее, но я назло тщательно с ними возилась, зато мой гоголь-моголь был таким же пышным как у нее мусс. Я усаживалась где-нибудь в тенечке и долго ела угощение собственного приготовления. С тех пор я люблю взбитые желтки, а белки не очень. Мне даже запах их не нравится.

Муку просею сразу на все торты – из непросеянной ничего толкового не получится. Я перехожу от одного участка стола к другому, и ощущаю себя работником конвейера. Если честно, я действительно делаю все как заведенная. Спроси меня, сколько сахара сейчас положила конкретно в миску, не вспомню. Скажу только, что точно по рецепту. На автомате работаю. Это уж потом, после обеда, я начну торты собирать, украшать – тогда автоматизм только мешает. Я всегда что-нибудь придумываю новое. Чтобы не скучно было ни мне делать, ни людям пробовать. Ставлю коржи в духовки, надо выпить кофе, потом можно приступить к суфле.



Суббота, мы с Лариской устраиваем шопинг. Встречаемся у ее дома и по пути к заветному подвалу заходим в нормальные магазины. Примеряю сапожки в одном из самых шикарных в городе отделов.

Плохо верится, что это настоящая «МАТА». Я как-то покупала для работы удобные туфли «от мата», к ним была приложена прокламация. Так вот, мне врезалось в память, что эта фирма вручную собирает обувь, причем использует труд только португальцев, потомственных сапожников.

Я была очень горда, когда надевала туфли – мне так и виделось, как в маленьком португальском городке в полутемной мастерской старенький сапожник стачал мои тапочки. Я просто чувствовала тепло его рук. И те туфли так приятно пахли хорошо выделанной кожей.

А тут сапоги на «манке», да еще и каблук сантиметров шесть. Я понюхала голенище – ну, запах приличный. Наверное, стоят дорого.

– Ты что, за такую цену сапоги купишь? – шипит Лариска. – Смотри, двести баксов. А сделаны где-нибудь в Китае, наверное.

Но я надеваю оба сапога и сразу понимаю – это сделано не в Китае. Хотя года три назад у меня были китайские сапожки на шпильке и с молнией сзади. Очень были удобные, я их две зимы с большой любовью относилась, и ноги ни разу не мерзли. Но те были по виду как-то прозаичнее. А тут такая кожа! Ну, чистый португальский вариант – красновато-коричневая, как бы неравно окрашенная. И прошитые крупными стежками швы. Украшение такое. Поверху нормального шва только стежки и все. Красотища. Скромненько, но со вкусом. И сидят так славно. У меня прямо засвербило вытащить кошелек.

Но Лариска уже совала в руки другие сапоги.

– На, померяй, вот это настоящие португальские. Venezia.

– Ларка, Венеция – это, наверное, итальянская обувь. Не хочу итальянскую, она холодная.

– Умная очень. Я в Португалии когда была, мы на фабрику ездили. Это настоящие.

Я взяла пару в руки. Нет, такие сапоги мне не нравятся. Во-первых, черные, во-вторых, как будто на фабрике «Северянка» сшиты для среднего класса. Сделаны, конечно, аккуратно, и каблук наборный, и подошва толстая. Как раз по нашей зиме. Но не нравятся.

Я враз чувствую, какая обувь с удовольствием носиться будет, а какая нет. Та, что в любимые метит, она как бы сразу на тебя похожа.

Как же это объяснить? Вот беру в руки сапог или туфель. Поворачиваю, чтобы взгляд падал на него сверху вниз, так, как если бы я обувь уже надела. То есть представляю, что вот так выглядит моя нога. И тут уж мозг сам исключает то, что не подойдет.

Я в обувных магазинах редко обувь меряю. Просто беру ее и поворачиваю носком вперед, пяткой к груди. Посмотрю минуту-другую и без примерки знаю, хорошо я буду себя в этих башмаках ощущать или нет.

То, что подала Ларка, на мою ногу похоже не было.

– Лар, эти сапоги похожи на тетку в длинной очереди.

– Как это?

– Э, долго объяснять, мне они не нравятся. Я куплю МА-ТА.

Ларка надулась. Потом подошла к продавщице и, показывая в мою сторону, попросила пару тридцать седьмого размера. Я разозлилась. В коем веке мне понравилась обувь, нет, ей обязательно надо такие же сапоги. Я переделалась в свои ботинки и подошла к кассе.

Сказала громко, чтобы Ларка, которая уже на топчане в углу натягивала МАТА, слышала – я не передумала:
– Я покупаю. Сколько я вам должна?

Девушка принесла мою коробку и начала проверять молнии у сапог, затем выписала гарантийный талон. Хороший отдел. Мне очень нравится гарантия на обувь, она дает право в течение сезона сдать покупку. Конечно, это достаточно проблематично – надо доказать, что брак заводской. Ларка, та постоянно сдает, а мне удалось только один раз. И то она научила.

Я как-то купила на каблуке полуботинки. Может, действительно, в них брак был, но думаю, что сама виновата. Ботинки мне чуть маловаты были, и я запросто могла выдавить задник так, что он стал нависать над каблуком. Сбоку достаточно некрасиво получалось, да и нога стала неустойчиво себя чувствовать.

Пожаловалась я Ларке, она посмотрела и говорит:
– Да это раз плюнуть доказать, что брак заводской.

И даже со мной в обувной ходила, и даже поругалась немного. В общем, через две недели мне деньги вернули. Было очень приятно. Ну, как после этого на Ларку обижаться?

Я рассчиталась, взяла большой пакет с коробкой и подошла к ней молча. Она, задравши брюки, крутилась перед зеркалом.

– Нет, определенно сделаны в Китае.

Я молчала.

– Не буду же я в таких же, как у тебя, ходить? К тому же, красные мне к чему? У меня голубая норка, да и дубленка синяя. Мне нужны черные.

– Ну, и купи «Венецию».

– Конечно, сама их раскритиковала, а я купи. Ты будешь за двести баков ходить, а я за сто? Ну, уж нетушки.

Она сняла сапоги, крикнула девушке «заберите, пожалуйста-ста», и мы вышли из отдела.

Понемногу я отошла от стычки в магазине, и, когда подходили к «секонд-хэнду», в душе осталось только чувство радости от покупки сапог. Мне, по сути, подвал был уже не интересен, но это было бы несправедливо по отношению к Лариске. Она-то ничего не купила, значит, у нее пока не было положительного заряда от шопинга, а у меня был. Я решила просто поковырять в кучах чего-нибудь для виду. И обязательно похвалить любой ларискин выбор. Все-таки она

тоже хотела сапоги, но мне повезло больше.

Когда мы вошли в магазин, я поняла, что мне точно повезло. На мою коробку так все смотрели! А я подошла к девушке на кассе и попросила:

– Вы не оставите у себя этот пакет?

Конечно, она тут же согласилась. Обязательно заглянет в коробку, пока мы будем копаться в корзинах в другом зале. Ну, да ладно, я бы тоже заглянула. Интересно же, какие сапоги могут быть в таком клевом пакете. И с такими лейбами.

Лариска пошла в брючный отдел, а я по традиции начала с трикотажа. Я на автомате перебирала свитера: подняла, оценила взглядом, бросила налево. Как все-таки замечательно, что у меня время от времени появляются приличные деньги. Это ничего, что ночь получается на пятницу бессонной, зато я могу заработать сразу на сапоги.

Кстати, уже в четверг можно ими, как говорится, всенародно похвастаться. У моего Лешки день рождения. Мать, конечно, дома отмечать не позволит. Да он и не подумает напрашиваться. Что это за свитер: поднимаю, задерживаю на две секунды – нет, мрачный, и резинка по низу, такие уже не носят.

Значит, пойдём куда-нибудь в кафе. Будут его друзья с женами и подружками. А я надена юбочку покороче, тогда сапоги мои тоже в поле внимания попадут. У меня есть такой бордовый велюровый костюмчик от KingField. Юбка, как сейчас помню, всего сорок восемь сантиметров. Я заказывала по каталогу года два назад, мне очень понравился жилет, а на длину юбки я внимания не обратила. Хотя обычно очень тщательно разбираюсь с описанием.

Я зашла тогда в салон заказов «Отто» – было очень холодно, и я решила там согреться, а заодно и журналы полистать. К тому же, постоянным клиентам всегда чай предлагают. А мне в тот момент очень нужно было просто чье-то участие. Не то, чтобы пожаловаться или поболтать, – нет, достаточно, когда приветливые консультанты спокойно что-то спрашивают у тебя, предлагают товар, объясняют.

Знаю, есть у них такие клиентки, которые ходят смотреть журналы как на работу. Это, скорее всего, одинокие тетки, которым просто нужно пообщаться. Вот и я тогда заскочила за теплом и вниманием. И так разнежилась, растеклась душой, что не очень вчитывалась в текст описания, и цифру «сорок восемь» просто пропустила. Так-то я ношу юбки не короче пятидесяти шести сантиметров. Но костюм мне понравился, да и цена была со скидкой.

Обычно я беру журналы домой. Хоть с немецким языком у меня никак, но все, что написано в сносках о товаре, читаю без переводчика.

Люблю, знаете ли, рассматривать каталоги с чувством и толком. Режу предварительно какую-нибудь плотненькую рекламную бумажку на полоски, усаживаюсь на диван, желательно в одиночестве, и начинаю рассматривать модели. Первый прогон – просто рассматриваю картинки и закладываю странички, на которых интересные модели. Затем по второму кругу отбираю все, что подошло бы мне или Манечке. И окончательно принимаю решение, исходя из суммы, которую могу потратить в данный момент на заказ. Обычно остается две-три вещи, и они каждая стоят не больше, чем по семьдесят евро. А доче дороже тридцати ничего не заказываю. Мала еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.